

ПЛАВА нашей стороне!
слава русской старине!
и про эту старину
я рассказывать начну,
чтобы дети знать могли
о делах родной земли.

1147 ГОД

**ГДЕ ТЕПЕРЬ МОСКВА-СТОЛИЦА,
ЖИЛИ РАНЬШЕ ЗВЕРЬ ДА ПТИЦА**

Над Москвой-рекой, на круче,
Где стоит наш Кремль теперь,
Был когда-то бор дремучий,
А в бору водился зверь.
Много было в чаще бора
И медведей и волков,
Много уток на озерах,
На болотах — куликов.
Коршун вился над лугами,
И лосиною тропой
Зверь с могучими рогами
Выходил на водопой.

У МОСКОВСКИХ ДРЕВНИХ ВОД ПОСЕЛЯЕТСЯ НАРОД

Поселялись люди редко
На реке, в глуши лесной,
Только предки наших предков
Появились тут весной.
То ль в ладьях они приплыли,
То ль верхами, то ль пешком,
Посидели, обсудили,
Осмотрели всё кругом
И решили: „Места много,
Есть что есть и есть что пить!“
Помолились люди богу,
Стали строиться да жить.

1156 ГОД

ДЕДЫ СТРОИЛИ СЕЛЕНЬЕ.— ВНУКИ СТРОЯТ УКРЕПЛЕНЬЕ

Вот он, первый Кремль сосновый,
За бревенчатой стеной.
Так родился город новый,
И назвался он Москвой.
Да не город — деревушка,
На пригорке — церковушка,
Кучка княжьих теремов
Да десятка два домов.

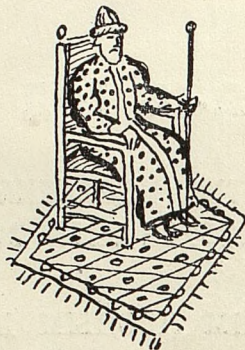

**БЫЛИ ДЕБРИ ДА ЛЕСА —
СТАЛИ В ДЕБРЯХ ЧУДЕСА**

Появились у медведей
Очень шумные соседи:
Провели они дороги,
Что ни шаг — то дом да двор.
Из насиженной берлоги
Зверь уходит дальше в бор.
И под стенами Кремля
Пашут пахари поля,
Пашут землю деда наши
Русской древнею сохой.
На приволье первых пашен
Хлеб родится неплохой!
Водят скот и рыбу ловят,
Добывают воск и мед,
Срубы новые готовят,
И Москва растет, растет.

**КТО НАШ ГОРОД ЗАЛОЖИЛ,
КТО СТЕНОЮ ОКРУЖИЛ?**

Пращур Юрий Долгорукой
Строил древний городок;
Послужил ему порукой
Перекресток всех дорог.
Повела к Москве дорога
Из соседних городов —
На Руси их было много:
Тверь, Чернигов, Суздаль, Псков,
Переславль, Рязань и Киев,
Муром, Полоцк и другие,
Я их всех не назову,
Путь от них шел на Москву.

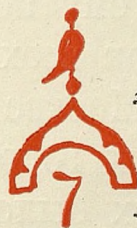
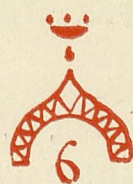
**С КЕМ ПРИШЛОСЬ ВЕСТИ ВОЙНУ
НАШИМ ДЕДАМ ВСТАРИНУ**

Вак за Волгой, на востоке,
Были земли басурман,
Кочевал в степях широких
Злой Батый — татарский хан.
И татары не имели
Деревень и городов,
По ночам в степях сидели
У кибиток и костров.
Спал татарин без перины,
На снегу и под дождем,
Ел сушеную конину,
Что хранил он под седлом.
Был татарин хищным, смелым,
Был наездником умелым.
Про него мы скажем так:
„Хитрый враг, опасный враг!“
И была тогда могучей
Басурманская орда,
Налетала черной тучей
И сжигала города.

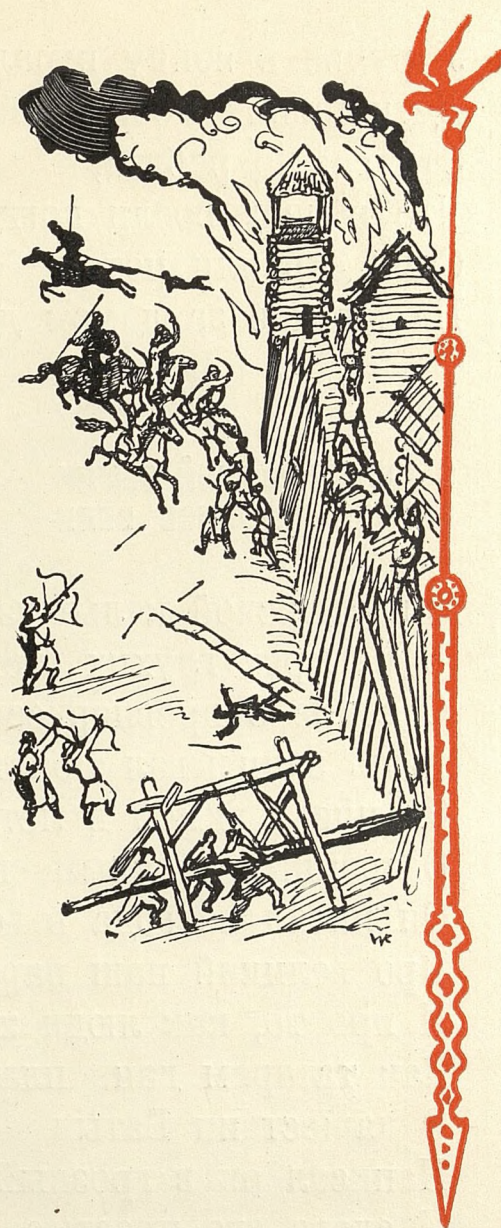
1238 ГОД

**ШЕЛ БАТЫЙ ИЗДАЛЕКА,
ВЕЛ К МОСКВЕ СВОИ ВОЙСКА**

По глухим лесным дорогам,
По лесам и перелогам
Хан Батый к Москве спешит.
Скачут тысячи копыт,

Топчут нивы золотые.
 Где пройдет орда Батыя,
 Выгорает все дотла —
 Только кости да зола.
 К берегам Москва-реки
 Хан Батый привел полки.
 И татарин хитрый, смелый,
 До зубов вооружен,
 Мечет огненные стрелы,
 Лезет в Кремль со всех сторон.
 Он в ворота бьет тараном,
 Он у стен костры кладет.
 Нету сил бороться с ханом,
 Пропадает наш народ.
 Занялись у стен пожары,
 Загорелся Кремль свечой,
 Всё дотла сожгли татары
 И умчались саранчой.

СНОВА ГОРОД СОЗДАЕТ НЕПРЕКЛОННЫЙ НАШ НАРОД

В дебри, в заросли густые,
 Где сычи кричат в ночи,
 От свирепого Батыя
 Схоронились москвичи.
 Их укрыли сосны, ели
 На худые времена.
 С высоты на них смотрели
 Звезды, солнце и луна.
 Елки ветками качали,
 В тишине звенел ручей.

У ручья в войну играли
 Дети наших москвичей.
 Эти самые ребята,
 Что в лесу росли когда-то,
 Сами строили потом
 На Москве за домом дом.

**О ДЕЛАХ РОДНОЙ ЗЕМЛИ
 ПРЕДКИ ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИ**

В монастырской келье узкой,
 В четырех глухих стенах,
 О земле о древнерусской
 Быль записывал монах.
 Он писал зимой и летом,
 Озаренный тусклым светом.
 Он писал из года в год
 Про великий наш народ
 И про то, как люди жили,
 Как татарам дань платили;
 О нашествии Батыя
 Написал он в грозный час,
 И слова его простые
 Сквозь века дошли до нас.

**РУСЬ ДЕЛИЛАСЬ НА УДЕЛЫ —
НЕ БЫЛА ЕДИНОЙ, ЦЕЛОЙ**

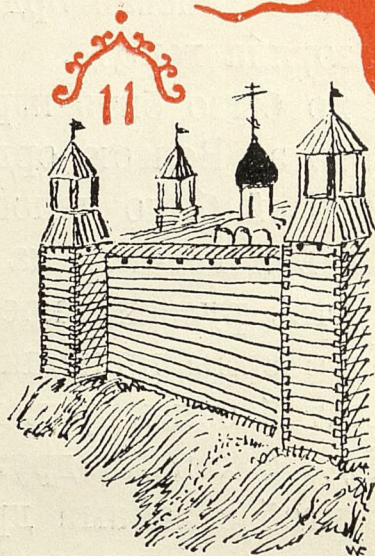
Раньше Русь была удельной:
Каждым городом отдельным,
Всех соседей сторонясь,
Управлял удельный князь,
И князья не жили дружно.
Жить им в дружбе было б нужно
И большой семьей одной
Защищать свой край родной.
Побоялась бы тогда
Нападать на них орда!

1325 ГОД

**КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ — ЭТА СИЛА
ВСЕХ КНЯЗЕЙ ОБЪЕДИНИЛА**

Хан Батый наделал бед,
Но прошло немного лет —
И на старом пепелище,
На кремлевском городище,
Вырастают снова срубы
С крепостной стеной из дуба,
За стеною — терема,
И амбары и дома,
Белокаменные храмы
С золотыми куполами.
И Москва назло всем ханам
Засияла красотой.
Управлялась князь Иваном,
Князь Иваном Калитой.

Чтобы княжествам отдельным
От набегов не пропасть,
Князь Иван князьям удельным
Объявил единой власть.
Тут и стала мать Москва
Всем уделам голова!

**НЕ ПРИШЛА ЕЩЕ ПОРА НАМ
ВОЕВАТЬ С ТАТАРСКИМ ХАНОМ**

Князь поехал в стан татарский,
Князь повез подарок царский.
Только с ханом неспроста
Подружился Калита.
Русь была в то время слабой,
Защищаться не смогла бы,
Если б ханская орда
Разоряла города.
Надо было бить изрядно,
Бить за Волгою орду,
Чтоб ей было неповадно
Жечь и грабить на ходу.
А чтоб русским крепче бить,
Надо силы прикопить.
А чтоб силы прикопить,
Надо с ханами дружить.
А чтоб с ханами дружить,
Надо золота нажить.
А чтоб золота нажить,
Надо данью обложить.
Крупной данью год от года
Князь уделы обложил

И за это у народа
„Калитою“ прозван был —
Так звалась в те времена
Сумка, золота полна.

НА ВЕТРУ МОСКВА-КРАСА ВСЯ СГОРЕЛА В ДВА ЧАСА

Сорок лет земель московских
Не топтал татарский конь,
Но у старых стен кремлевских
Был опасный враг — огонь.
Раз в засушливое лето
Загорелось что-то где-то,
И пополз огонь бедой
В слободу за слободой.
Тын за тыном, дом за домом,
По лачугам, по хоромам —
До Кремля огонь добрался,
По дворцам разбушевался.
Велика Москва была —
Да сгорела вся дотла!

1366 ГОД

КАК ПОСТРОЕН БЫЛ ВЕСНОЮ КРЕМЛЬ ЗА КАМЕННОЙ СТЕНОЮ

Сказке сказываться скоро,
Делу делаться — не скоро.
И прошло сто тридцать лет,
Прежде чем увидел свет
Кремль московский, только новый,
Не дубовый, не сосновый;

Дмитрий князь, Ивана внук,
 Переделал все вокруг.
 Загудел, зашевелился
 Под Москвою старый бор,
 Снова в бор народ явился,
 Застучал в бору топор.
 На дороге, близ Коломны,
 День-деньской народ снует:
 Для Кремля с каменоломни
 Возят камень целый год.
 И былой стене на смену
 Строит каменную стену,
 Строит башни и мосты
 Внук Ивана Калиты.

**НОВЫЙ КРЕМЛЬ ПОСТРОЕН ТАК,
 ЧТО ВОЙТИ НЕ МОЖЕТ ВРАГ**

стала крепостью столица
 На высоком берегу.
 В стенах каменных — бойницы,
 Чтобы целить по врагу.
 И в столице начинает
 По-другому жить народ,
 Зелье-порох добывает
 И оружие кует.
 Шел войною князь Литовский
 На престольную Москву.
 Постоял у стен кремлевских
 И ни с чем ушел в Литву.
 И опять пришел с досады,
 Вдвое больше рать привел:
 Под Кремлем поджег посадки
 И опять ни с чем ушел.

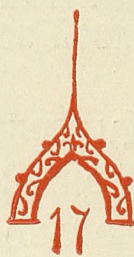
**НАЧАЛ ДМИТРИЙ СОБИРАТЬ
ПОД МОСКВОЙ БОЛЬШУЮ РАТЬ**

Начет Дмитрий всю страну
На священную войну:
„Не довольно ль, братцы, даром
Отдавать добро татарам?
Сбросить иго не пора ли?
Сколько лет вас обирали!
Сколько сел у вас сожгли!
Скольких в рабство увели!
Отстоим святую Русь,
Я вас в бой вести берусь!“
И откликнулись тогда
Все соседи-города,
Все, от севера до юга:
Кострома, Киржач, Калуга,
Углич, Пронск и Ярославль,
Галич, Дмитров, Переславль.
И под городом Коломной
Все князья до одного
Ратью встретили огромной
Полководца своего.
Собралось в лесную глушь
Полтораста тысяч душ.

1380 ГОД

КАК МАМАЙ, ТАТАРСКИЙ ХАН, УБЕЖАЛ ОТ МОСКВИТЯН

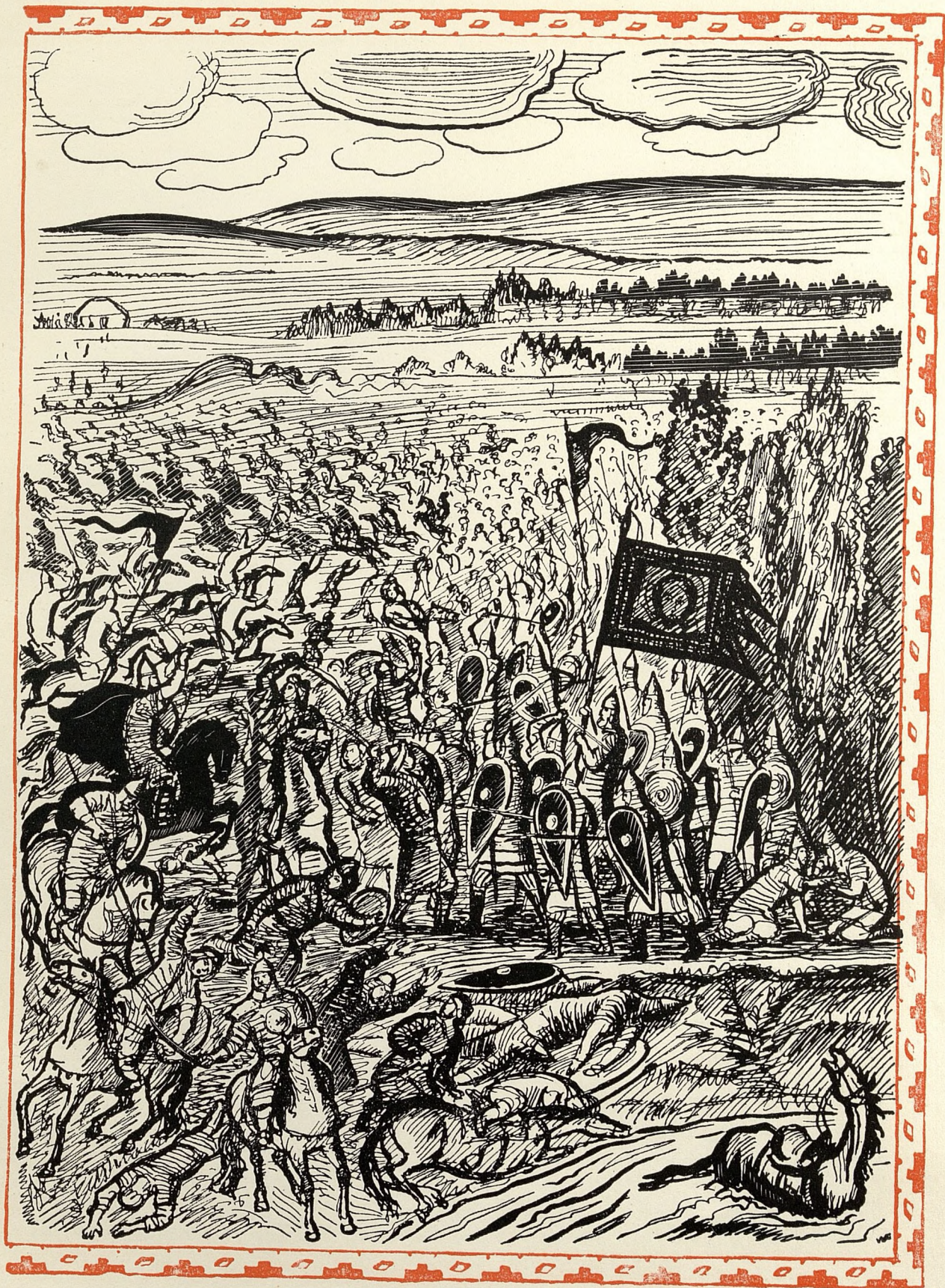

За степями, за песками
Хан Мамай услышал весть:
Дмитрий-князь идет с войсками
И полков его не счесть.
Загудел татарский стан,
Рассердился грозный хан,
Гневом сердце запылало,
Разум тьма ему застлала.
Приказал Мамай собрать
Непомерной силы рать.
С этой ратью двинул он
На широкий, светлый Дон.
Словно сто голов дракона
Растянулись возле Дона,
Разлеглась Мамай рать,
Стала русских поджидать.
Дмитрий-князь об эту пору
По степному по простору
Тоже к Дону подошел,
Рать могучую привел.
Ночью тихо в поле было,
Лишь свистали кулики.
Утром солнце осветило
На семь верст вокруг полки.
Чуя кровь, над полем птицы
Закружились в небесах.
Силы начали сходиться,
Только высохла роса.
„Ой, дружинники вы, братцы!
Время вышло, час настал,

Не на жизнь, а на смерть драться
Князь Московский приказал!

И сошлись на поле чистом
В схватке первые полки.

Стрелы реют с визгом, свистом,
Сыплют искрами клинки.

Бой кипит жестокий, страшный,
Переходит в рукопашный.

Враг вопит: „Олга, олга!“
(Боевой призыв врага.)

Наседают вражьи дети,
В бой идет за ратью рать,
Бьются час, другой и третий —

Стали русские сдавать.

Нет у русских перевеса,
Верх Мамай в бою берет,
Только смотрит: из-за леса
Мчится конница вперед.

Целый день победы ради

Провела она в засаде,
И бесстрашна и грозна,

В битву ринулась она.

В той последней жаркой схватке
Дождался Мамай беды:

Засверкали только пятки
У Мамаевой орды.

Слава поля Куликова,

Слава битвы на Дону,

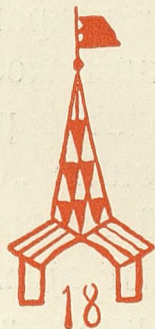
Слава Дмитрия Донского

Облетела всю страну.

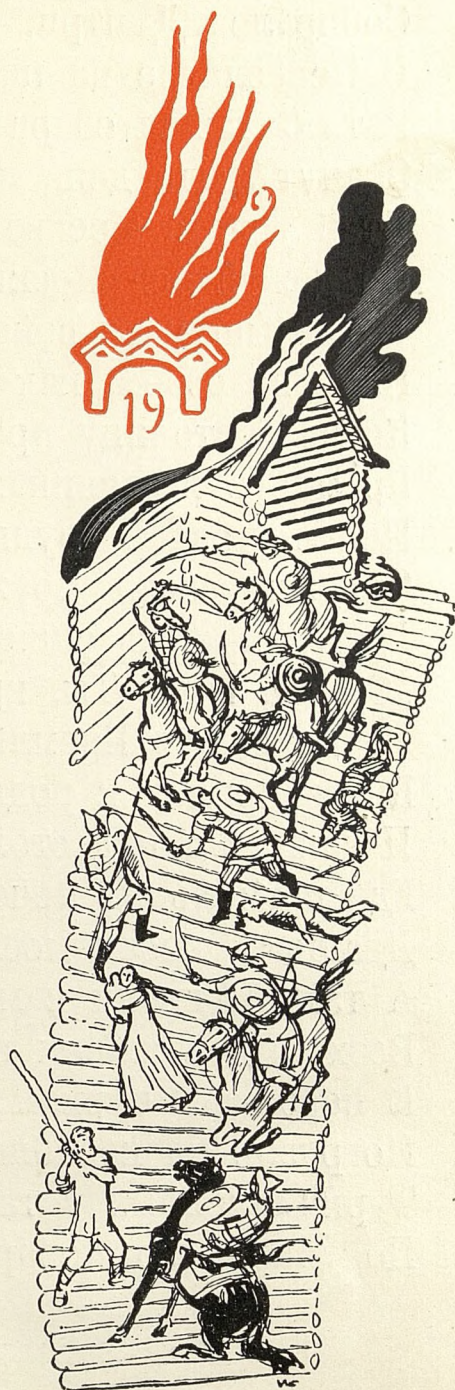
**НОВЫЙ ВРАГ ИДЕТ С ВОСТОКА,
ЧТОБ ГРОМИТЬ МОСКВУ ЖЕСТОКО**

Пишет летопись монах
О событиях-делах,
Пишет славные страницы
Желтой, старческой рукой,
Как с победою в столицу
Возвратился князь Донской.
И не ведает чернец,
Что набегам не конец.
Не успели звон победы
Отзвонить колокола —
Снова горе, снова беды:
На Москву орда пошла.
Снова в Кремль бежит народ:
„Тохтамыш войной идет!“
Войск у Дмитрия немного,
Не осилить одному.
Мчится Дмитрий за подмогой
В Переславль и Кострому.
А татары тут как тут,
А бояре прочь бегут —
Под кремлевскими стенами
Тохтамыш стоит с войсками.
Но в Москве герой-народ
Держит Кремль, не отдает!
А народ собрался всякий:
Кузнецы и гончары,
Мукомолы, кожемяки,
Водовозы, столяры.
Из бойниц в татар стреляют,
Кипятком их обливают,
И грохочет над Кремлем
Русских пушек первый гром.

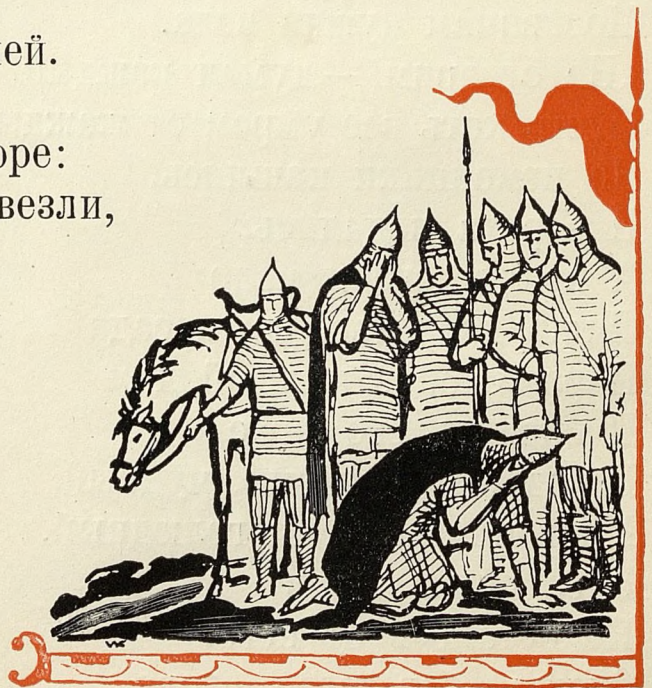

**БЕЗ ИЗМЕНЫ НИКОГДА
НЕ ВОШЛА БЫ В КРЕМЛЬ ОРДА**

Бьются русские, как надо.
На четвертый день осады
Бой затих. Настала тишь.
Подсылает Тохтамыш
К осажденным двух князишек,
Двух предателей-трусишек.
К москвичам пробрались те
И клянутся на кресте:
Тохтамыш-де не желает
Никому из русских зла...
Пусть ворота отворяют,
Чтобы в Кремль орда вошла.
Что татары, мол, не воры,
Пусть не прячется народ,
На дворцы и на соборы
Хан посмотрит — и уйдет!..
На беду, была тогда
Москвичам нужна вода.
„Не отворим! — думал каждый. —
Пусть хоть все умрем от жажды!“
Но изменники нашлись,
И ворота подались.
А врагу того и надо:
Лишь добраться до посада
И разграбить каждый дом
И спалить его огнем.
Город был богатый, чудный,
Многоцветный, многолюдный,
И за сутки ничего
Не осталось от него.
Отошли богатство, слава
От Москвы от златоглавой,

Жизнь и радость отошла —
Груды камня да зола...
Как в обратную дорогу
Собирался Дмитрий-князь,
В Переславле на подмогу
Рать большая собралась.
Скачут люди день и ночь,
Чтоб успеть Москве помочь.
Не дождалась Москва —
Тохтамыш увел войска.
На коне своем, как птица,
Князь в столицу прилетел —
Кремль в развалинах дымится,
Пепел, прах и груды тел.
Окружен своей дружиной,
Дмитрий-князь сошел с коня:
„Ох ты, горе! Ты, кручина!
Не дождался Кремль меня!“
Князь припал к родной земле
И заплакал над столицей,
Где погибло от мечей
Двадцать тысяч москвичей.
А татары гнали к морю
Всех людей живых на горе:
К персам, к туркам их везли,
Погрузив на корабли.
Турки пленных у татар
Покупали, как товар.

КАК БАЮКАЛА ТУРЧОНКА
НАША РУССКАЯ ДЕВЧОНКА

За горами, за морями,
На турецкой стороне,
Русской девочке Ульяне
Кремль привиделся во сне.
То-то радость и удача
По Кремлю во сне гулять!
Да чужой младенец плачет,
Не дает Ульяне спать.
Спать Ульяне не дает,
И она ему поет:
„Спи, турчонок, баю-бай!
Спи, турчонок, засыпай!
И чего тебе не спать?
У тебя отец и мать,
У тебя богатый дом,
Ты живешь в краю родном.
А Ульяна — сирота,
Пропадает красота.
Злой татарин всё пожег,
В плен Ульяну уволок.
Злым татаринoм она
На базаре продана
За турецкую деньгу
На чужом на берегу...
Лихо горе, засыпай!
Спи, турчонок, баю-бай!“

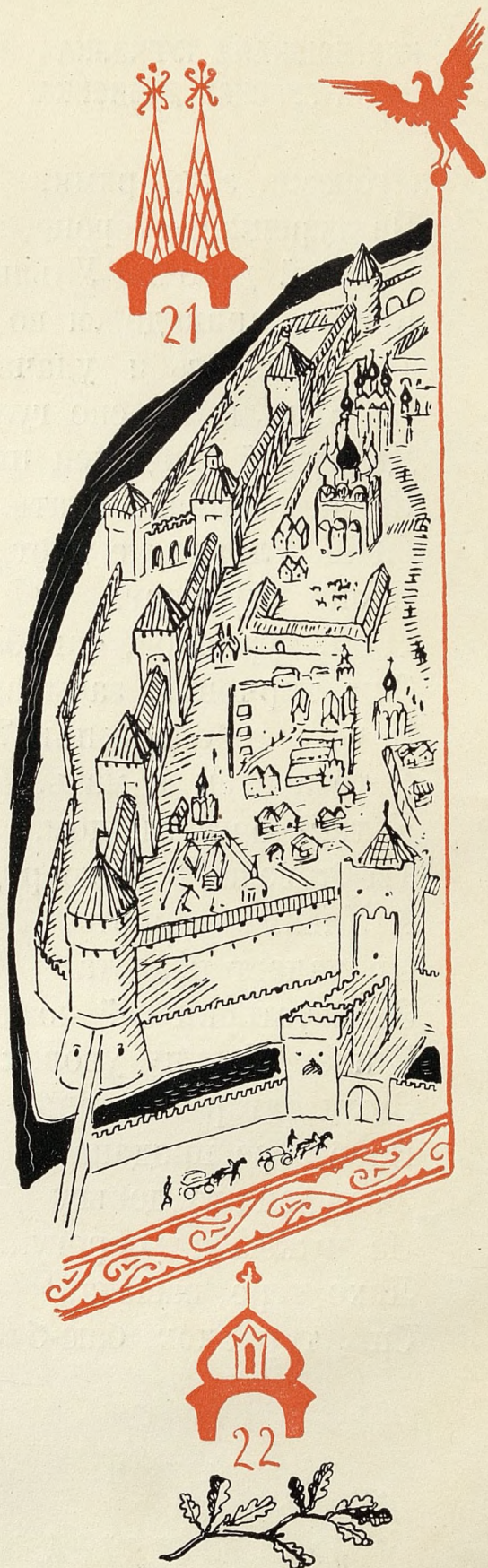
**ЖИВ НАРОД И РУСЬ ЖИВА,
И ОПЯТЬ ЖИВЕТ МОСКВА!**

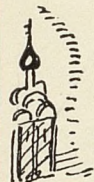
Как гроза могучей силы
Налетела в ясный день,
Дуб столетний сокрушила —
От него остался пенёк,
И стоит он голый, чёрный
При дороге, весь в пыли,
Но остались живы корни
И от них ростки пошли,
И опять растут дубки,
Долговечны и крепки, —
Так и войны-ураганы
Проносились над Кремлем:
Истребляли басурманы
Нашу родину огнём.
Но сильнее год от года
Становились города.
Корни русского народа
Не иссохнут никогда!

1478 ГОД

**ДЛЯ ПОСТРОЕК МОСКВИЧИ
СТАЛИ ДЕЛАТЬ КИРПИЧИ**

Век прошёл. Сто лет прошло,
Время горе унесло.
За дремучими лесами,
За зелеными холмами
Крепнет, ширится Москва,
И растёт о ней молва.

Правнук Дмитрия Донского
Древний Кремль отстроил снова.
Для построек москвичи
Стали делать кирпичи.
Князь Иван Васильич Третий
Русским людям услужил —
Перестроил стены эти,
Рвом глубоким окружил.
Для постройки стен кирпичных,
Башен, храмов и дворов
Князь Иван позвал отличных
Русских зодчих-мастеров.
Девятнадцать грозных башен
Простояли пять веков,
Никакой им враг не страшен,
Сколько б ни было врагов.
Сохранились эти стены.
До сих пор они стоят,
Неприступны, неизменны,
Как и пять веков назад!

**БЫЛ ПОХОЖ НАШ ГОРОД ДРЕВНИЙ
НЕ НА ГОРОД — НА ДЕРЕВНЮ**

Всюду речки да пруды,
Огороды да сады.
Вот Неглинная-река.
Хоть она неглубока,
Но быстра и полноводна,
По Москве течет свободно.
Москвичам она нужна:
Вертит мельницы она.

Мост Кузнецкий, мост старинный,
Назывался неспроста:

Были кузни на Неглинной
Возле этого моста.

В древних русских колымагах
Люди ездили тогда,
В буераках да оврагах
Не дорога, а беда!

И возницам молодецким,
Тем, что едут „на авось“,
На Неглинной, на Кузнецком
За гроши починят ось.

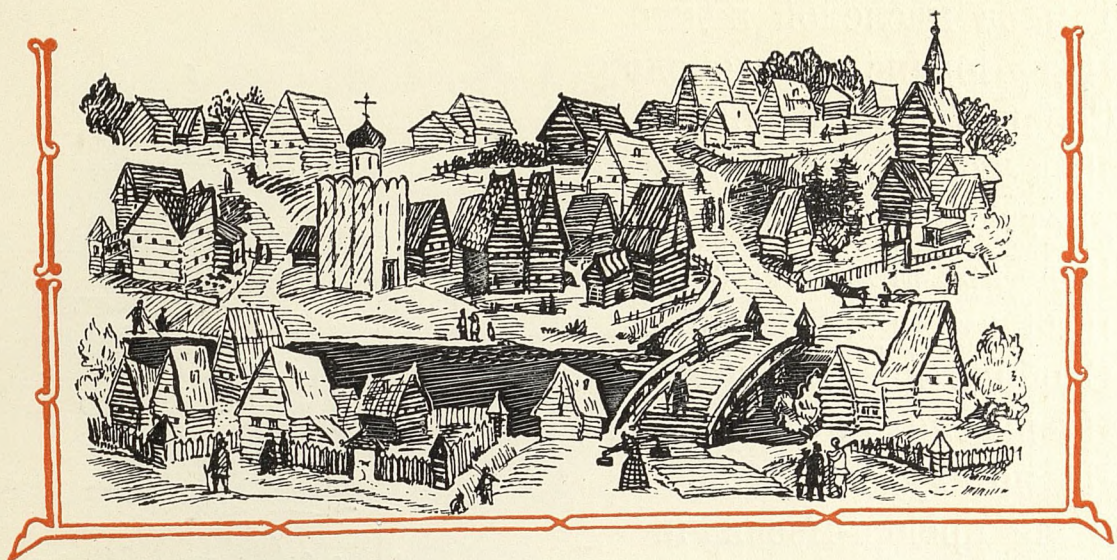
Встарину дома бывало
Люди строят где попало,
Выбирают место сами,
Да и строятся рядами.

Но любой боярин мог
Дом поставить поперек.
Всем мешает этот дом:
Обходи его кругом!

И в московских переулках
Сохранились с той поры
Тупики и закоулки
И проезжие дворы.

Лет четыреста назад
Был таким Охотный Ряд.

А у площади Свердлова
Вот такой был раньше вид,
У театра у Большого —
Там, где сквер теперь разбит.

А на площади на Трубной
Раньше торг был лесорубный,
Обыватели на нем
Покупали целый дом.
Вместо площади Восстанья
Было Кудрино-село.
Там народное гулянье,
Там веселье в праздник шло.

Там на масленой неделе
 Под Новинской слободой
 Собирался на качели
 Люд веселый, молодой.
 А студеною зимою
 Под кремлевскою стеною
 Шла в кулачный бой на льду
 Слобода на слободу.
 Не на зло, не на расправу —
 На потеху, на забаву.
 Были предки-москвичи
 Драчуны и силачи!
 Возле центра, все мы знаем,
 Площадь Пушкина теперь.
 Это место было краем —
 Путь отсюда шел на Тверь,
 По нему свои возки
 Гнали к Твери ямщики.

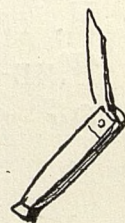
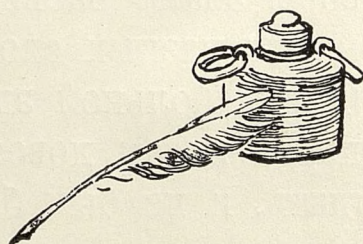
На дворах на постоянных
 Оставались ночевать,
 Лошадей менять усталых
 И с рассветом — в путь опять.
 По дороге кони скачут,
 Путник вдаль глядит, вперед,
 Бубенцы как будто плачут,
 А ямщик поет, поет...

КАК ЦЕРКОВНЫЙ ГРАМОТЕИ ВСТАРИНУ УЧИЛ ДЕТЕЙ

Встарину учились дети —
Их учил церковный дьяк, —
Приходили на рассвете
И твердили буквы так:
А да Б — как Аз да Буки,
В — как Веди, Г — Глаголь,
И учитель для науки
По субботам всех порол.

Вот какой чудной вначале
Наша грамота была!
Вот каким пером писали —
Из гусиного крыла!
Этот нож не без причины
Назывался „перочинный“:
Очиняли им перо,
Если не было остро.

Трудно грамота давалась
 Нашим предкам встарину,
 А девицам полагалось
 Не учиться ничему.
 Обучались лишь мальчишки.
 Дьяк с указкою в руке
 Нараспев читал им книжки
 На славянском языке.
 Так из летописей старых
 Знали дети москвичей
 О литовцах, о татарах
 И о родине своей.

ВСТАРИНУ У МОСКВИЧЕЙ ВО ВСЕ НЕ БЫЛО ВРАЧЕЙ

Без больницы люди жили.
 Знахари больных лечили:
 От озноба — зверобоем,
 От зубов — льняным настоем,
 От ожогов — бузиной,
 А от ран — землею родной.
 Варят старые знахарки
 Из лечебных трав припарки,
 Сушат в печке ножки жабы,
 Приговоры знают бабы.
 Набормочут разных слов —
 И, глядишь, больной здоров!
 Жив-здоров и сам доволен.
 Он, видать, и не был болен!

1480 ГОД

**НАСТУПИЛ СЧАСТЛИВЫЙ ГОД —
СБРОСИЛ ИГО НАШ НАРОД!**

Из пустыни к волжским водам
Шла татарская орда,
Оседала год за годом,
Стала строить города.
И над всеми городами
Старший город был — Казань.
Мы с орды не брали дани,
Мы орде платили дань
И скотиной, и товаром,
И пушниной, и казной.
Пусты русские амбары
Были каждою весной.
Князь Иван Васильич Третий
Изменил порядки эти
И сказал послам в ответ:
„Мы платили двести лет,

Ну и хватит с нас, довольно!
Нам самим нужна казна.
Пусть отныне снова вольной
Будет наша сторона!“
Каблуком перед послами
Растоптал он ханский знак:
„С глаз долой! Не то и с вами
Мы поступим точно так!“
Летописцы в толстых книгах
Записали в этот год:
„Нет над нами больше ига,
Сбросил иго наш народ!“

**КНЯЗЬ ЗА УТКАМИ К БОЛОТУ
ВЫЕЗЖАЕТ НА ОХОТУ**

пит еще Москва-столица,
На засовах ворота.
Над рекой туман клубится,
Площадь Красная пуста.
В чистой утренней прохладе
Дремлет русская земля.
Князь в охотничьем наряде
Выезжает из Кремля,
А за ним в кафтанах белых —
Сто сокольничих умелых,
В шапках, шитых серебром,
Отороченных бобром.
И у каждого по птице
На расшитой рукавице.
Смирно дремлет на руке
Белый сокол в колпачке.
Вот спустился князь под горку
За Мясницкой слободой

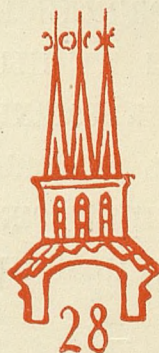

Переехал князь Чечорку —
 Речку с мутною водой.
 И пошли поля, болотца,
 А за ними княжий бор,
 Что „Сокольники“ зовется
 И хранится до сих пор.
 Подъезжает князь к болоту.
 Вот где славная охота!
 Угнездились здесь весной
 Тучи птицы водяной.
 Князь взмахнул сафьянной плеткой,
 Конь помчался рысью четкой.
 Из прибрежной осоки
 С шумом прыгнули чирки!

Князь сокольничим кричит,
 Соколов пустить велит.
 Над Чечоркой клекот птичий,
 Крылья острые свистят.
 Ловят соколы добычу,
 Только перышки летят.
 Утка крылья распластает,
 Поднимаясь тяжело, —

Сокол снизу подлетает,
 Бьет под левое крыло,
 Когтем вспарывает грудку,
 Крепким клювом в горло бьет,
 Опрокидывает утку,
 Жадно кровь из горла пьет...
 После полудня с добычей
 Отъезжают от болот.
 И сегодня много дичи
 Князь к обеду привезет.

КАК ПОСЛОВ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН УГОЩАЕТ КНЯЗЬ ИВАН

Приглашает князь к обеду
 На вечернюю беседу
 Трех послов венецианских,
 Двух венгерцев, трех датчан,
 Четырех послов миланских.
 Да еще из дальних стран
 Немец Поппель прискакал
 (Нашей дружбы он искал).
 Собираются в палатах
 Много знатных москвичей,
 Воевод, бояр богатых,
 Князьих дьяков, толмачей.
 Толмачи — народ толковый,
 Ходят-бродят там и тут.
 Чужеземец скажет слово —
 Толмачи переведут.

Князь Иван сидит на троне,
 Видит всех как на ладони.
 Перед ним стоят столы,
 За столами — всё послы.
 Кто важней — к нему поближе,
 Кто подальше — чином ниже.
 Поначалу все молчат,
 Лишь посудой стучат.
 Драгоценную посуду —
 Золотой чеканки блюда
 Мастерили для двора
 Наши деды-мастера.
 Тришка, мастер знаменитый,
 Кубки делал хороши.
 Им из золота отлиты
 Эти чарки и ковши.
 Даже в Африке, на Ниле,
 Знали Тришку и ценили.
 Гости хвалят вина, пиво,
 Морсы, вкусные надиво,
 И на блюде весом в пуд
 Трое стольничих несут
 Диво-дивное такое:
 Лебедь в перьях, как живой,
 А под перьями — жаркое
 Из лебедки молодой.
 Гости кушали руками,
 Утирались рушниками —
 Полагалось это встарь.
 Вилкой кушал князь да царь.

НА ПРИЕМЕ „ПТИЧИЙ ХОР“
РАЗВЛЕКАЕТ КНЯЖИЙ ДВОР

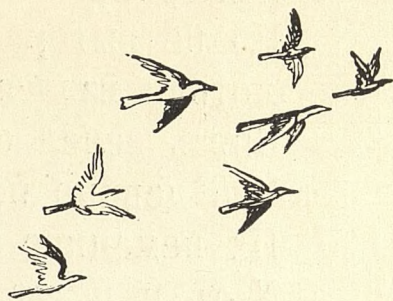
После сытного обеда
Веселей пошла беседа,
И задумал князь Иван
Поразвлечь гостей-датчан:
„Эй! Позвать сюда скорей
Скоморохов, дударей!
Пусть они играют в дудки,
Говорят нам сказки, шутки!
Да позвать сюда ребят —
Тех, что птицами свистят!“
И минуты не проходит,
Свистунов в палаты вводят.
Вот в расписанных палатах
При боярах и гостях
Восемнадцать бородатых
Мужиков стоят в лаптях.
Умолкает разговор,
И вступает чудный хор
Птичьих высвистов искусных,
Звонких, смелых, нежных, грустных,
Каждый в голосе своем:
Кто залетным соловьем,
Кто щеглом, кто жаворонком,
Кто дроздом просвищет звонким,
Кто малиновкой лесной
На заре в лесу весной.
И как будто бы в палатах
Стены в росписях богатых
Оживают: там и тут
Птицы райские поют.
И висят, качаясь сами,
Ветки с райскими плодами,

И порхают мотыльки,
 Многоцветны и легки...
 Чужеземцы, в удивленье
 От такого представленья,
 Рты разинувши сидят
 И во все глаза глядят...
 Мужички же досвистели
 Птичьи высвисты и трели,
 Поклонились до земли
 И, попятившись, ушли.
 В наступившем вдруг молчанье
 Поднялись послы-датчане,
 Поклонились и сказали:
 „Лучший в мире птичий хор!
 Мы такого не слыхали,
 Не встречали до сих пор!“
 А один из иностранцев,
 Из послов-венецианцев,
 Вдруг по родине в тоске
 Разрыдался в уголке.

КАК В СТОЛИЦЕ ВСТАРИНУ НЕМЦЫ СВАТАЛИ КНЯЖНУ

Как посол немецкий Поппель
 За обедом захмелел,
 Ковш последний с брагой допил —
 Не на шутку осмелел.
 С главным дьяком в эту пору
 Он завел переговоры:
 „Я имею цель одну:
 Как бы русскую княжну
 За курфюрста выдать замуж.
 Пусть ваш князь назначит сам уж

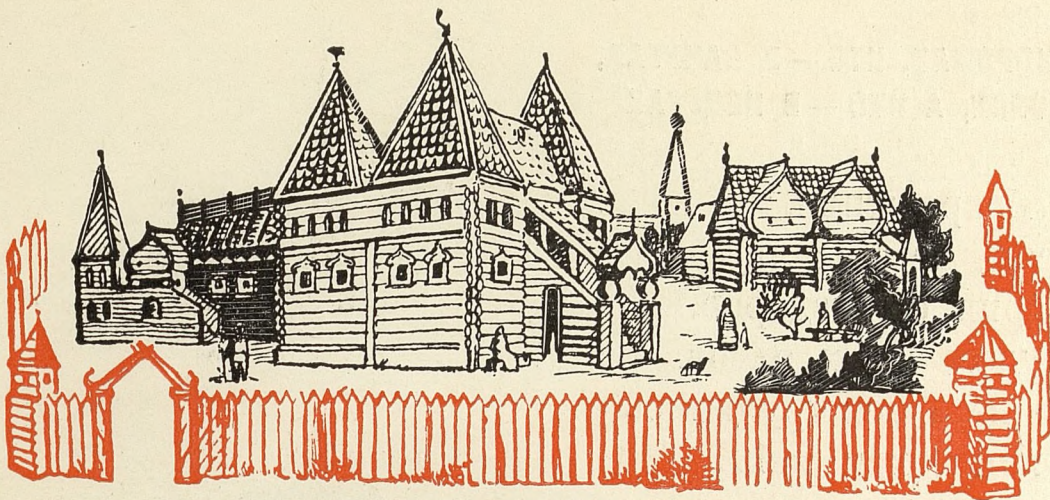

Одного из сыновей
Императорских кровей!
Но не выгорело дело,
Хоть и взялся Поппель смело:
Князь велел ему сказать,
Что девице не подстать
Их немецкие князья,
Хоть и лезут к нам в друзья.
И что есть у нас другие
Женихи — из Византии,
А что лучше ей всего
Выходить за своего!

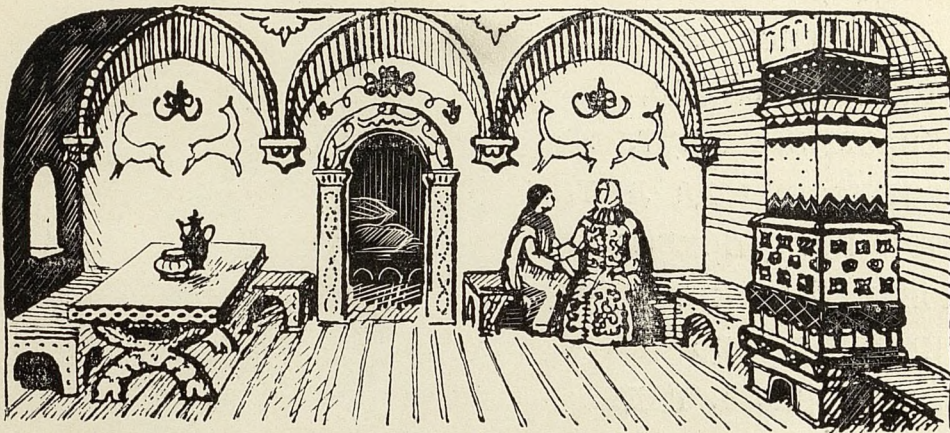
**ЧТО НИ ТЕРЕМ, НИ ИЗБА —
ПОЗОЛОТА ДА РЕЗЬБА**

Терем, терем, теремок,
Он затейлив и высок,
В нем окошки слюдяные,
Все наличники резные,
А на крыше — петушки,
Золотые гребешки.
А в перилах на крылечке
Мастер вырезал колечки,
Завитушки да цветки
И раскрасил от руки.
В терему резные двери,
На дверях цветы и звери,
В изразцах на печке в ряд
Птицы райские сидят.
По стенам резные лавки
И дубовый стол резной.
Возле печки сохнут травки;
Собирали их весной

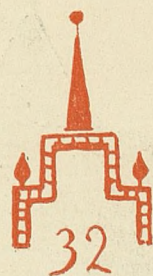
Да настой варили, чтобы
Пить зимою от хворобы.
Рядом с горницей передней
Спальня в горнице соседней,
И постель в ней высока,
Высока — до потолка!
Там перины, одеяла,
И подушек там немало,

И стоит, покрыт ковром,
Ларь с хозяйкиным добром.
Душно в тереме высоком
От натопленной печи:
Не откроют в холод окон
Наши предки москвичи.

КТО — В ХОРОМАХ, КТО — В ЛАЧУГАХ,
КТО — ЗДОРОВ, А КТО — В НЕДУГАХ

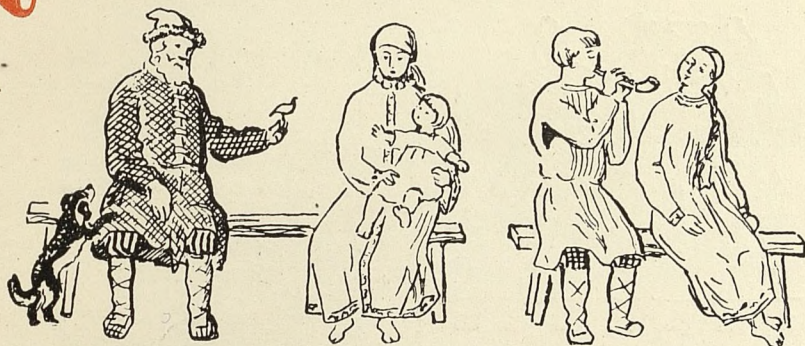
В теремах бояре жили,
Пили, ели, не тужили.
Был боярин сыт, здоров,
Жил трудом своих рабов.
На него весь век трудились
Землепашцы, как рабы,
Умирали и родились
В нищете курной избы.
В этих избах печи были
Без трубы, не как теперь.
Их по-черному топили:
Дым клубился в окна, в дверь.
Неустройство, голод, беды —
Трудно жили наши деды,
А зимой, в холодный год,
Там, где люди, там и скот.
У хозяев почестнее
И крестьянам посытнее,
А когда крестьяне мрут,
Значит барин скуп да лют.
На боярство нет управы:
Раб прикован был к труду,
Мужики имели право
Уходить лишь раз в году.
В Юрьев день они могли
Перейти с одной земли
На другую. К пашням, к дому
И к хозяину другому.
Вот какой тогда была
Крепостная кабала.

**ВОТ В КАКОЙ ЧУДНОЙ ОДЕЖДЕ
МОСКВИЧИ ХОДИЛИ ПРЕЖДЕ**

И ВЫ, ГОСТИ-МОЛОДЦЫ,
ДЛИННОПОЛЫЕ КУПЦЫ!

И бояре и дворяне,
Горожане и крестьяне,
Кто в сорочках и штанах,
Кто в коротких зипунах.
И такие франты были:
Длинный охабень носили,

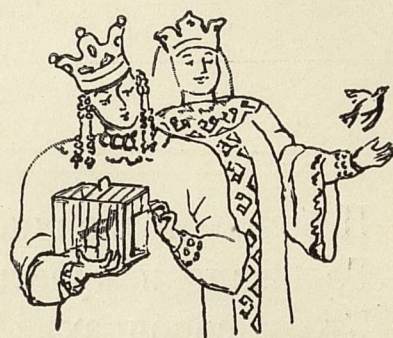
Рукавами до земли
Пыль по улице мели.
А зимой, в мороз, в Москве
Надевали шубу, две.
А боярыня бывало
По три шубы надевала.

Любят в праздники рядиться
 Наши русские девицы:
 Ожерелья, серьги, бусы,
 Ленты в косах до земли.

А молодки под убрусы
 Прячут волосы свои:
 Встарину была коса
 Только девичья краса!

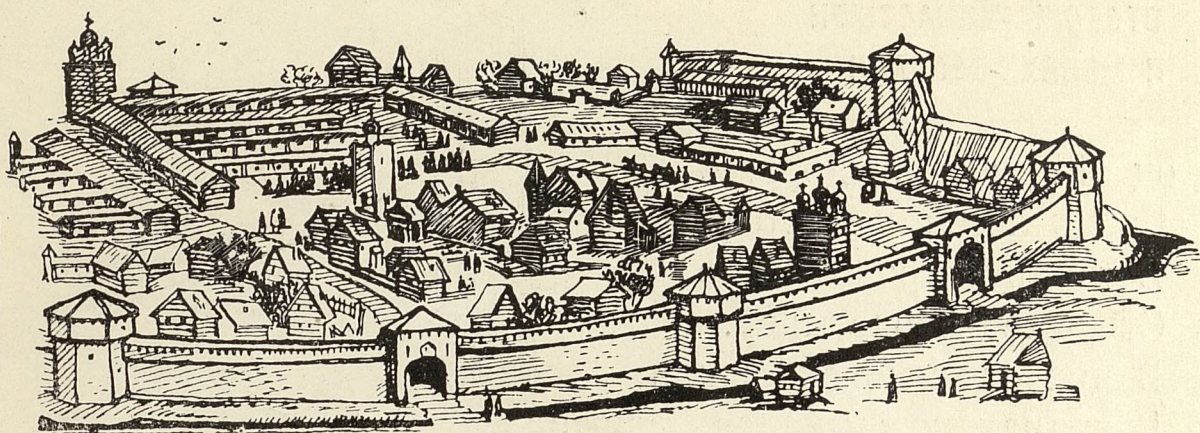

1535 ГОД

**НОВЫЙ ГОРОД ОСНОВАЛСЯ,
 КИТАЙ-ГОРОДОМ НАЗВАЛСЯ**

Расширяется столица,
 И растет за домом дом.
 Каждый хочет поселиться,
 Хоть и тесно, под Кремлем.
 Но приходит час войны.
 Чем дома защищены?
 Вот тогда-то на реке,
 От Кремля невдалеке,
 Новый город основался,
 Китай-городом назвался.
 Было в городе Китае
 Сотни две больших дворов,

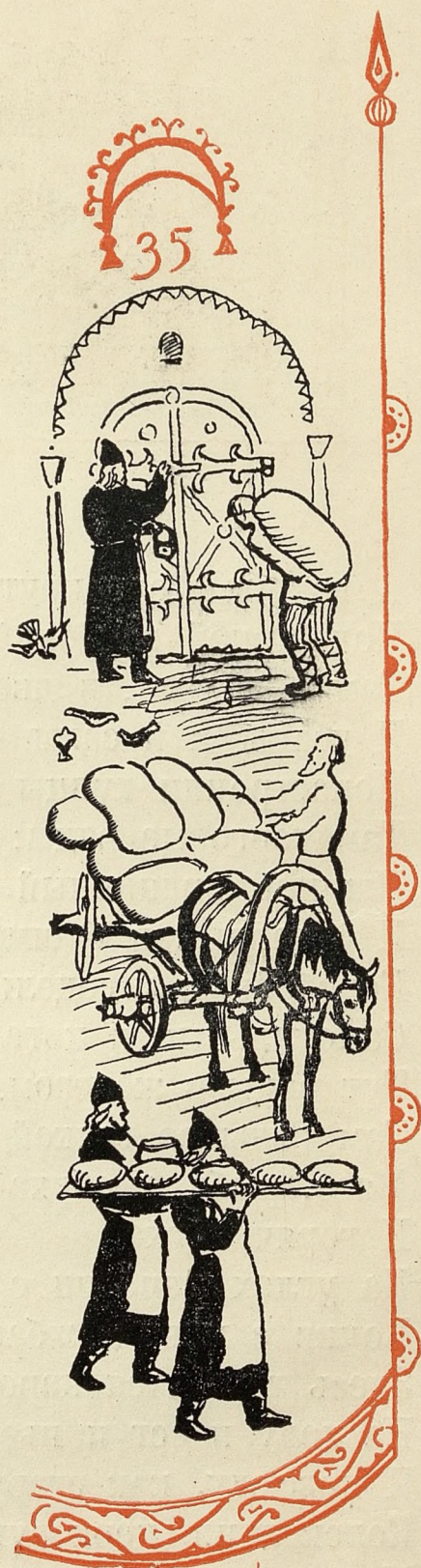

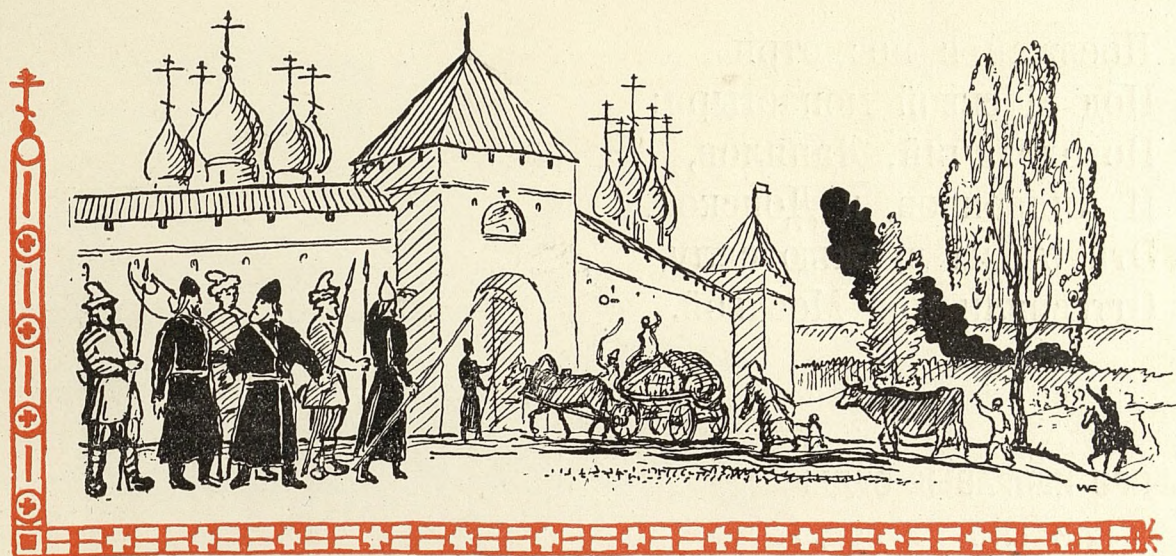
А вокруг стена крутая,
Под стеной глубокий ров.
Там и церкви, и дворцы,
И усадьбы, и сады.
Понастроили купцы
Там торговые ряды:
Птичий, пряничный, калачный,
И суконный и башмачный,
Коробейный и седельный,
Самопальный и котельный.
Тут ряды с железом, с медью,
Там ряды со всякой снедью:
Мясо, рыба, требуха
И горячая уха.
На углях жаровни с мясом,
Бочки с пивом, жбаны с квасом.
Здесь торгуется народ,
На ходу и ест и пьет.
И повсюду, как старушки,
Колокольни, церковушки
Меж палатами стоят
И звонят, звонят, звонят...

СТОРОЖА-МОНАСТЫРИ И МОНАХИ-ЗВОНАРИ

Под Москвою на дорогах,
Средь лесов и пустырей
Встарину стояло много
Сторожей-монастырей.
В них отцы-монахи жили,
В храмах каждый день служили,
Да была у них земля,
Огороды и поля.
Там бывало рожь-пшеница
Выше роста колосится,
Выше пояса — овес,
По колена — сенокос.
Монастырские угодья
Сразу видны издали —
Так и пышет плодородьем
От монашеской земли.
А работает в полях
Не звонарь и не монах —
Пашут поле батраки,
Крепостные мужики.
Для монаха все готово:
И от рыбного улова
И от пчельника доход
В монастырь несет народ.
Скот разводят для монаха,
Сосны рубят для монаха.
На крестьянских на кормах
Тунеядцем стал монах.
За крестьян он молит бога,
От крестьян дохода много,
Все, что видно вдаль и вширь, —
Всею владеет монастырь.

Но лишь пыль начнет клубиться
По дороге на столицу,
Лишь блеснут издалека
Копья вражьего полка,
На коне монах-гонец
Мчится вихрем во дворец —
Объявить, что под Москвою
Показалась вражья рать,
Чтоб готовы были к бою
Те, кто будет защищать.
А крестьяне между тем
С монастырских крепких стен
Путь в столицу защищали,
Метко били из пищалей,
И нежданно под Москвой
Враг вступал в горячий бой:
Много раз за стены эти
Укрывались бабы, дети.
Как объявится беда,
Весь народ бежит сюда.
Древнерусские твердыни
Сохранились и поныне.

Поезжай и посмотри
Под Москвой монастыри:
Новодевичий, Данилов,
И Андроньев, и Донской.
Эти стены вражью силу
Оттесняли под Москвой.

**ПРО НЕПРАВЫЕ СУДЫ
У КАНАВКИ — У ВОДЫ**

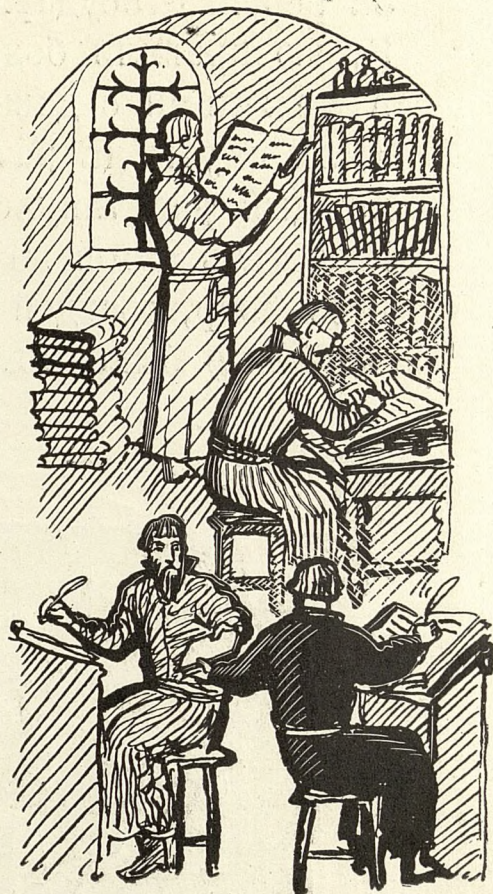
Есть канавка на поляне
Возле Сретенских ворот.
Там толпятся горожане,
Там и судится народ:
Там сидит приказный дьяк,
Он и судит за пятак.
Встанут правый и неправый
По краям большой канавы
И друг друга за вихры
Тянут вниз до той поры,
Что какой-то перетянет, —
Он и в деле правым станет.
В этой тяжбе у канав
Кто сильнее, тот и прав.
Справедливым суд считался,
„Божьей правдой“ назывался.
Вот как было, говорят,
Много лет тому назад!

**ПРО „СУДЕБНИК“ И ПРО СУД,
ГДЕ СУДИЛСЯ РУССКИЙ ЛЮД**

В старину бывало в суд
Люди жалобы несут.
Кто соседа за потраву
В суд потащит на расправу,
Кто притянет должника
За четыре пятака.
И князя в своем уделе
Всех судили, как хотели:
„Тот — виновен. Этот — прав!“
Что ни город — свой устав.
Князь Иван Васильич Третий
Изменил порядки эти,
Он во всей стране тогда
Ввел судебник для суда.
С той поры людей судили
Не по слабости и силе,
А по чести и по праву,
По единому уставу.

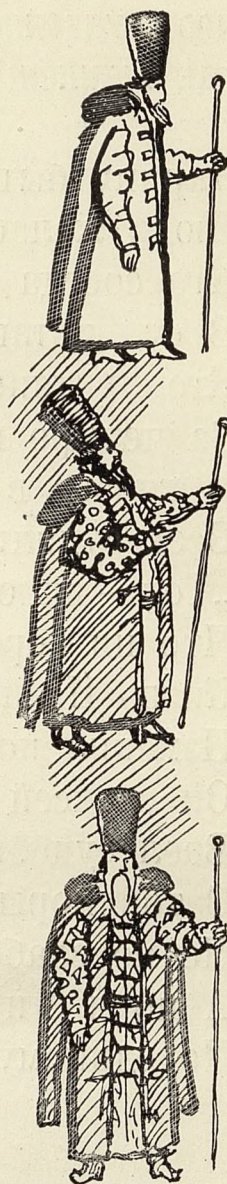
1538 ГОД

**ПРО БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНЬЕ,
ПРО НАРОДНОЕ ТЕРПЕНЬЕ**

В нашем древнем Русском царстве,
В древнем Русском государстве
Жил царевич молодой,
Был он с детства сиротой.
Сиротою стал он рано,
Был он внуком князь-Ивана,

Сам Иваном назван был
 И на деда походил.
 За ребенка-государя
 Русью правили бояре,
 А меж ними с давних пор
 Были смуты да раздор.
 Каждый род тянулся к власти,
 Разорвать готов на части
 Всех бояр, соседей всех,
 Чтобы не было помех.

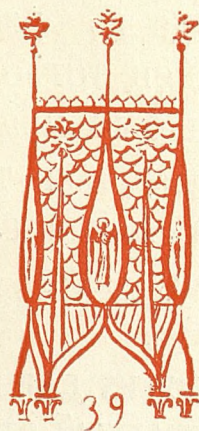

А народу было худо:
 Враг грозился отовсюду,
 И татарин — сильный враг,
 И ливонец, и поляк.
 Нет в стране от них защиты,
 А боярин родовитый,
 Не жалея свой народ,
 Восемь шкур с него дерет.
 В смутах, спорах время длилось.
 А Иван-царевич вырос
 И к шестнадцати годам
 Стал странною править сам.

**ПРИСМИРЕЛО ВСЕ БОЯРСТВО —
ЦАРЬ ВЕНЧАЕТСЯ НА ЦАРСТВО**

Волокольным низким гудом
Воздух утренний дрожит,
И на площадь отовсюду
Люд взволнованный бежит —
Не на казнь, не на гулянье,
Не на торг, не на указ:
Нынче царское венчанье
Все увидят в первый раз.
И на зрелище такое
Валом повалил народ.
Вот из царского покоя
Царь с боярами идет.
Он идет в большом уборе,
Самоцветами горя.
Будут в первый раз в соборе
На престол венчать царя,
Чтоб он царствовал по праву,
Не страшился ничего,
Чтоб заморские державы
Признавали власть его,
Чтоб завистливым боярам
Было не о чем тужить,
Чтоб с царем врагам-татарам
Было выгодней дружить,
Чтобы польский, шведский, прусский
И другие короли
Уважали титул русский
И царя большой земли.
...Царь поднялся на ступени,
Опустился на колени.
Перед ним митрополит
В облачении стоит.

Должен он, как самый главный,
 Возложить венец державный.
 Но в народе говорят —
 Был нарушен тот обряд:
 Царь Иван был нравом гордый,
 Взял венец рукою твердой,
 Помолился, поглядел
 И на голову надел.

**БЫЛ В МОСКВУ ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАН
 ПРИВЕЗЕН ПЕЧАТНЫЙ СТАН**

Царь Иван ученым был,
 Книжки царь Иван любил,
 По ночам сидел над ними
 И читал о древнем Риме,
 О неведомых морях,
 О египетских царях.
 И надумал царь суровый
 На Руси ввести печать,
 Чтоб народ по книжке новой,
 По печатной, обучать.
 За Китайскою стеной
 Государевой казной
 Был построен Двор Печатный,
 В башнях весь, в резьбе занятой.
 Дьякон Федоров Иван
 Изучал печатный стан,
 Стал на нем печатать книжки,
 Чтоб народ не по наслышке
 Знал про наши все дела,
 Чтобы грамота была.
 А кому-то не по нраву
 Были выдумки царя.
 Про него худую славу
 Распускали, говоря:

„Царь наш с нечистью связался!
 Царь наш дьяволу предался!
 На Печатном-то дворе
 Черти пляшут на заре!“
 Распускали эти страхи
 Переписчики-монахи:
 Помешала ведь печать
 Им работу получать.
 То какую-нибудь книгу
 Год писал монах-старик,
 А станок оттиснет мигом —
 Будет сразу много книг!

**ГРОЗНЫМ ЗВАЛ ЦАРЯ НАРОД
 И ПОНЫНЕ ТАК ЗОВЕТ**

Ходит в гневе и печали
 По палатам царь Иван:
 Два боярина сбежали
 В королевский польский стан.
 Изменили государю,
 И отчизне, и Кремлю,
 Польше предались бояре,
 Сигизмунду-королю.
 Царь кричит: „Бояр на плаху,
 Коль они уходят к ляху!
 Перевешать их пора —
 Нам от них не ждать добра!“
 И боярина иного
 Царь лишал земли и крова,
 А за черные дела
 Плаха недруга ждала.
 И к ответу шли порою
 Не один, а сразу трое:
 Был боярин виноват —
 Отвечал и сват и брат.

Царь грозе уподоблялся,
И народ его боялся,
И боялся и любил,
Царь в народе Грозным слыл.

**ЧУЕТ ЦАРЬ — ВОЙНА БЛИЗКА.
НУЖНЫ РОДИНЕ ВОЙСКА!**

Грозный ныне озабочен:
„Мир с соседями непрочен.
Нам придется воевать.
Нужно войско собирать!“
Силы русского народа
Для царя важней всего,
А князья и воеводы
Не хотят понять его.
Царь опять в разладе с ними.
Воля царская крепка:
Утверждает он отныне
Постоянные войска.
Каждый воин честный, дельный,
Верный службе боевой
От царя надел земельный
Получает под Москвой
(А нехватит там иль тут —
У боярина возьмут!).
Пусть возделывают пашни,
Водят скот, сажают сад,
Но когда с кремлевской башни
Сбор военный протрубят,
Каждый должен быть готовым
И к походу и к войне:
В снаряженье ладном, новом,
Если конник — на коне!

1552 ГОД

БЫЛЬ О ГРОЗНОМ ОБ ИВАНЕ,
ПОКОРИТЕЛЕ КАЗАНИ

То не песня, не сказанье,
То живая наша быль,
Как под городом Казанью
Заклубилась в поле пыль.
Заклубилась в поле пыль,
Зашумел в степи ковыль.
А в Казани черный голод,
А в Казани плач и стон —
Грозный царь татарский город
Окружил со всех сторон,
И по стенам деревянным
Полтора ста пушек бьют,
Осажденным басурманам
Передышки не дают.
Шлет ядро пушкарь умелый,
Полстены отвалит прочь,
А наутро стены целы —
Брешь татарин чинит в ночь.
Помогают пушкам нашим
Тридцать пять осадных башен.
С этих башен, словно град,
Стрелы русские летят.
Плачет ханша Суюмбека,
Говорит войскам своим:
„Нет такого человека,
Что останется живым!“

Я вам правду говорю —
Сдайтесь русскому царю“.
Ночью страшно Суюмбеке,
Не смыкает ханша веки,
И томит ее печаль:
Сына маленького жаль.
На великое несчастье,
Едигер теперь у власти.
Едигер — казанский хан —
Подбодряет мусульман:
„Стойте крепко за стенами —
Отступать приказа нет!
Наш Аллах всемогущий с нами
И пророк наш Магомет!“
Сорок девять дней стояли.
Сорок девять дней стреляли.
На пятидесятый день,
Лишь ушла ночная тень,
Под Казань подкоп прорыли,
Бочки с порохом вкатили,
Закрепили фитили,
А на них свечу зажгли.
Да еще свечу на воле
Засветили в чистом поле,
Возле царского шатра,
Чтоб узнать, пришла ль пора.
Вот и время подоспело,
Вот и свечка догорела,
Догорела — гаснет свет,
Гаснет свет, а взрыва нет!
Вышел Грозный, брови сдвинул,
Взглядом строгим всех окинул:
Почему-де взрыва нет?
А пушкарь ему в ответ:

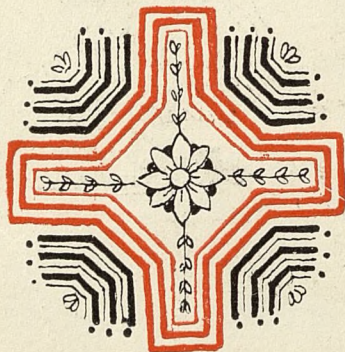

„Государь наш, сокол ясный,
Не гневись на нас напрасно,
Не вели меня казнить,
Вели правду говорить!
Длится время не по воле,
Не по воле пушкарей,
Ведь свеча-то в чистом поле,
На ветру, горит скорей!“
Не успел сказать пушкарь,
Не успел дослушать царь,
Как раздался взрыв могучий,
И взлетела черной тучей
Та казанская стена —
И Казань была сдана.
То не песня, не сказанье,
То живая наша быль.
Шли войска из-под Казани,
Поднимали в поле пыль,
Развевались те знамена,
Что вели войска в поход,
И на Яузе студеной
Кличем встретил их народ:
„Слава, слава нашим людям!
Славим батюшку-царя!
Охранять мы крепко будем
Наши земли и моря!“
Грозный тут остановился,
Слез с коня, перекрестился
И на царский свой престол
По Москве пешком пошел.

**В ЧЕСТЬ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ
ХРАМ ВОЗВОДЯТ НАШИ ДЕДЫ**

Розный царь в воспоминанье
О победе над Казанью
Двум прекрасным мастерам
Приказал построить храм.
И воздвигли люди эти
Небывалый в целом свете,
Пестрый, сказочный собор,
Что стоит и до сих пор.
Он свидетель древней славы —
Этот храм девятиглавый,
Он четыре сотни лет
Над рекой встречал рассвет.
Как увидишь — удивишься,
Вот какая красота!
И глядишь — не нагладишься
С Москворецкого моста.
Двое зодчих — Посник с Бармой
Создавали этот храм.
Москвичи им благодарны —
Слава русским мастерам!

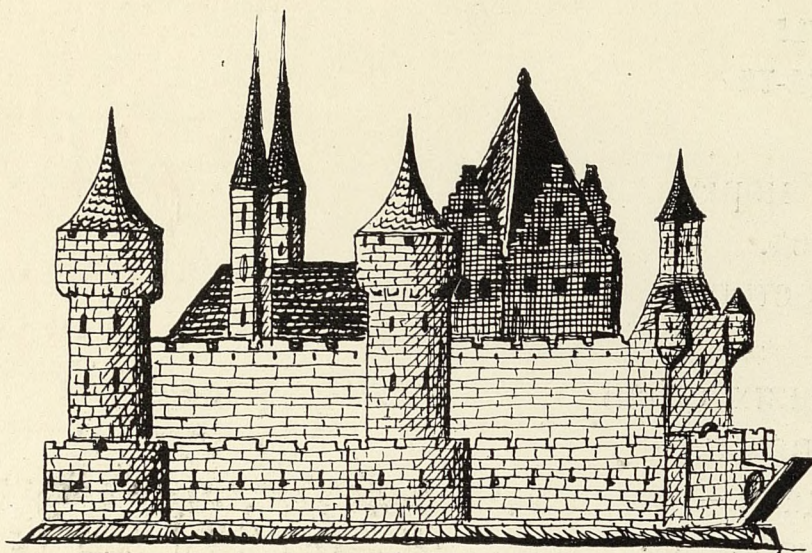

**НАС ЛИВОНСКИЕ ПИРАТЫ
В МОРЕ ГРАБИЛИ КОГДА-ТО**

Корабли плывут по морю.
Чисты, ясны небеса.
Ветер веет на просторе,
Надувает паруса.
И плывет из дальних стран
Наш торговый караван.
Но не всякому удача —
Коль судьба решит иначе,
Не доходят корабли
До своей родной земли.
Хитрый немец, вор завзятый,
Караулит нас везде,
И ливонские пираты
Грабят встречных на воде.
Черный парус появился
На просторе голубом,
Гром по водам прокатился,
Из пиратских пушек гром.
Бьют и пушки и пищали.
Вот и мачты затрещали
И сломались, будто спицы,
И корабль в седом дыму
Обескрыленную птицей
Накренился на корму!
И тогда разбойник черный
К кораблю идет проворно
И на борт к себе берет
И товары и народ.
Люди, грузы и суда
Исчезали без следа.

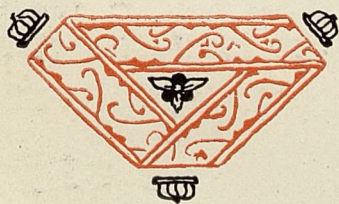

**О КРАЯХ ТВОИХ ЗАКОННЫХ,
О ВРАГАХ ТВОИХ ИСКОННЫХ**

Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев,
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они.
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны.
Был ливонский рыцарь страшен,
Занимался грабежом.
Худо было людям нашим
За ливонским рубежом,
Где немецкие бароны
Русских грабили купцов,
Нарушали все законы,
Уводили в плен гонцов.

А когда-то, все мы знаем,
 Этот край был нашим краем.
 Улучили немцы час —
 Землю отняли у нас.
 Мы на эти притязанья
 Не ответили тогда,
 И немецкие прозванья
 Получили города.
 Город Юрьев был в печали,
 Имя Дерпта получив.
 Нарвой немцы называли
 Русский город Ругодив.
 Не прогнали мы ливонцев
 С берегов балтийских вод:
 Посулили нам в червонцах
 Дань платить из года в год.
 Но проходит много лет —
 У ливонцев чести нет:
 Притворяются друзьями
 И не платят ничего
 И смеются над князьями
 В башнях Дерпта своего.
 За кремлевскими стенами
 Рассердился царь Иван:
 „Мы расправимся с врагами
 За коварство и обман.
 Воевать пора!“ И вот
 Начинается поход.

1558 ГОД

ОТ МОСКОВСКИХ ДРЕВНИХ ВОД
ГРОЗНЫИ К БАЛТИКЕ ИДЕТ

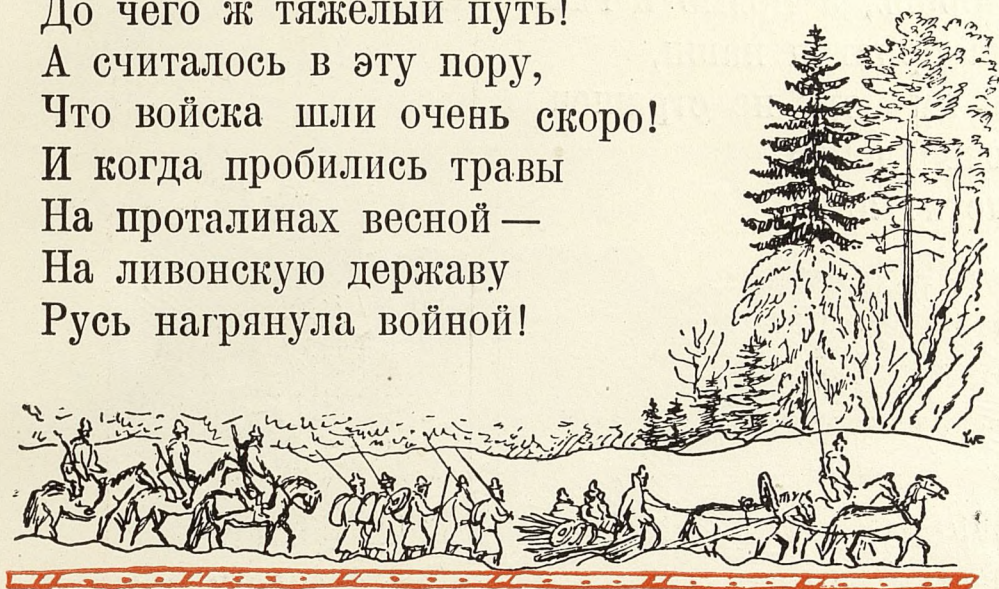

Квoзь метели и бураны,
В снегопадах декабря
Шли войска царя Ивана
Завоевывать моря.
Шли в морозы, в непогоды,
От зари и до зари
И князья, и воеводы,
И стрельцы, и пушкарИ.
У казны доспехов нету,
Все по-разному одеты:
Воевода — князь богатый,
Сверх мехов надеты латы,

А крестьянин надевай
Легкий стеганый тягляй!
И не снилось этим людям,
Что, поднявшись в небеса,
Этот самый путь мы будем
Пролетать за три часа!
Что в любые непогоды
Без упряжки, без коня

Самоходы, вездеходы
 Этот путь пройдут в три дня.
 Наши предки от столицы
 Целый месяц шли к границе,
 Увязая в снег по грудь.
 До чего ж тяжелый путь!
 А считалось в эту пору,
 Что войска шли очень скоро!
 И когда пробились травы
 На проталинах весной —
 На ливонскую державу
 Русь нагрянула войной!

Бьют по немцам наши пушки,
 Под огнем гудит набат,
 От подножья до макушки
 Замки рыцарей дрожат.
 Смотрят русские, дивятся,
 Что за страсти тут творятся!
 Враг-то, видно, чародей,
 Не похожий на людей.
 Вот он встал, огнем объятый,
 Весь закован в шлем и латы.
 Уж не чорт ли этот враг?
 Смерть неймет его никак!
 „Врешь!“ сказал стрелок в тяглые,
 Лук на немца направляя
 И стрелу пуская в цель —
 Прямо в шлем, в глазную щель.
 И, стрелою пораженный,
 Рыцарь, в латы снаряженный,

Покатился в ров с водой,
 А за ним упал другой,
 За вторым скатился третий...
 Пусть узнают вражьи дети,
 Каковы стрелки у нас:
 Бьют не в бровь, а прямо в глаз!
 И пошли на приступ наши,
 Был теперь им чорт не страшен.
 И в ливонское добро
 За ядром летит ядро.

Первой крепость Нарва пала,
 Дерпт вторым знамена сдал.
 Снова море русским стало,
 Зашумел балтийский вал,
 Зашумел, заволновался,
 С русским ветром повстречался.
 Под волной пески шуршат,
 А гонцы в Москву спешат.
 Рано утром до дворца
 Доскакали три гонца...
 Бухнул колокол кремлевский,
 Разбудил народ московский,

И пошел со всех сторон
Колокольный перезвон.
По цареву приказанью
Началось в Москве гулянье.
От зари и до зари
За работой звонари!
Солнце светит над столицей,
А кремлевские бойницы
В честь победы залп дают —
Это первый наш салют!

**О КУПЦАХ И О БАЗАРАХ,
О ДИКОВИННЫХ ТОВАРАХ**

По морям во все концы
Едут русские купцы,
Заезжают к англичанам,
И голландцам, и датчанам,
Продают им соль, пушнину,
Русский лес и русский мед,
Покупают сукна, вина
И заморский редкий скот.
И с диковинным товаром
Разъезжают по базарам,
Удивляют русский люд,
С барышами продают.
Вот светильник с фитилем
Обступил народ кругом.
„Ишь, диковина какая!
Право, лучше, чем светец!
Не коптит и не мигает...
Сколько просишь? Эй, купец!“
Вот заморская игла,
До чего ж она светла!

Знать, она светлей, и краше,
 И острей иголки нашей!
 Мужика смотреть иглу
 Тащит баба за полу.
 Говорит жене хозяин:
 „Эти штуки все мы знаем,
 Наши тоже хороши.
 Береги, жена, гроши!“
 ...Что за гости по рядам
 Ходят, бродят тут и там?
 Ох, вы батюшки, вы светы!
 До чего ж смешно одеты!
 В сапогах, да без штанов,
 А кафтан без рукавов,
 И широкий и короткий,
 На плечах, что бабий плат.
 И подстрижены бородки,
 Словно клинушки, торчат!
 Вместо шапки чудо-юдо:
 К котелку пришито блюдо
 Или блин на голове —
 Так и ходят по Москве!
 Может, это скоморохи?
 Может, царские шуты?
 Сапоги на них не плохи,
 Шелк и бархат не просты.
 Не поют и не хохочут,
 Не горланят, не галдят,
 Не по-нашему лопочут,
 Чинно ходят и глядят
 И направо и налево,
 На дома и на дворцы.
 То послы от королевы
 И английские купцы.

РУБЕЖИ РОДНОЙ ЗЕМЛИ НАШИ ПРЕДКИ СТЕРЕГЛИ

На засеки, на границы
Царь поставил сторожей,
Чтоб хранили, как зеницу,
Землю наших рубежей.
Вот он, верный русский воин,
Долг несет сторожевой.
Он уверен, он спокоен,
Пограничник верховой.
Лук его натянут туго,
Шлем и меч не тяжелы.
Сбережет его кольчуга
От нечаянной стрелы.
Впереди чужие земли
И чужие берега.
Зоркий глаз его не дремлет,
Не пропустит он врага.

„СЛАВЕН! СЛАВЕН ГРАД МОСКВА!“

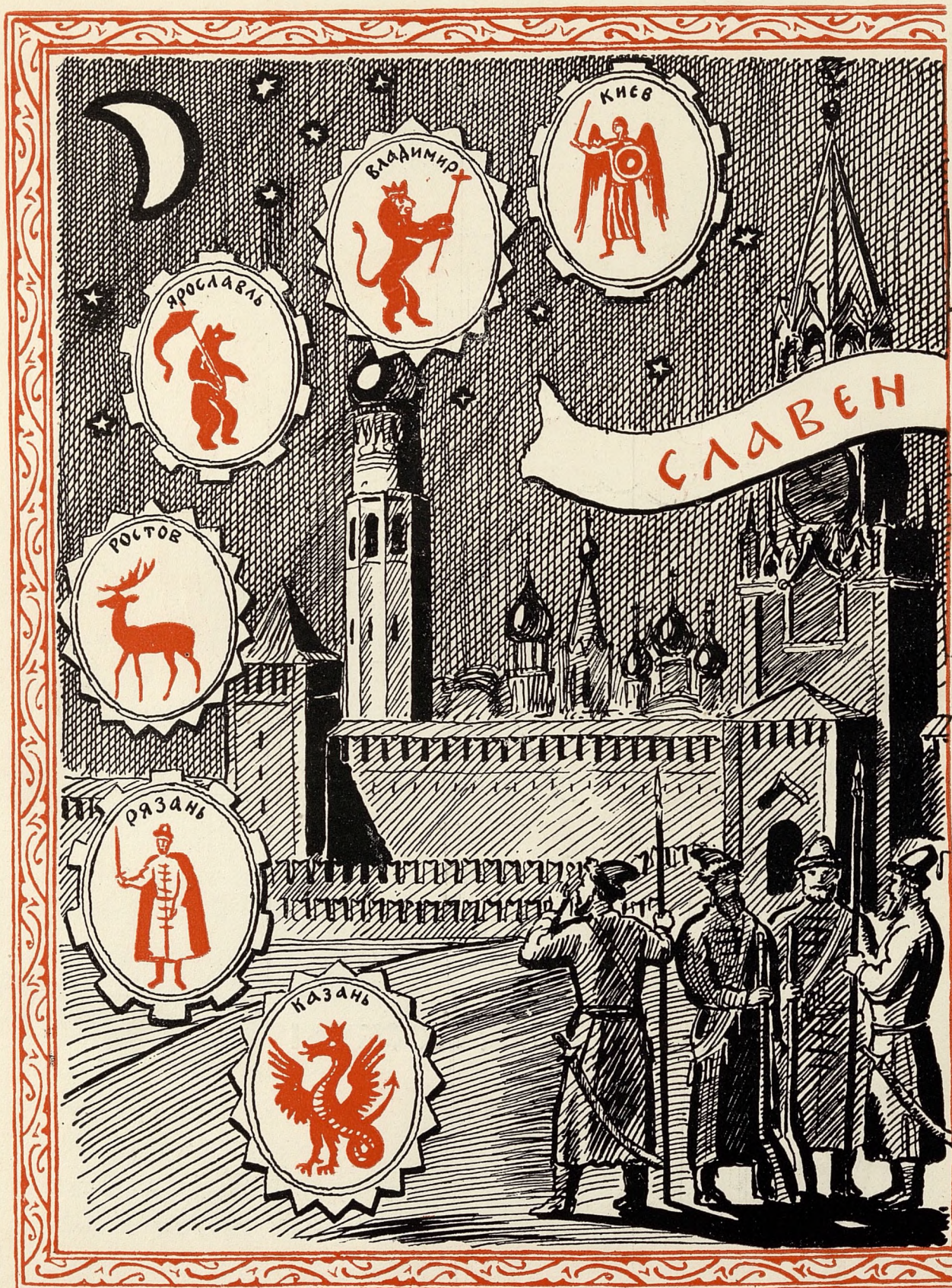
Пит Москва, Руси столица.
Сон спокойный людям снится.
Караулы там и тут
В колотушки глухо бьют.
Темны улицы кривые,
Лают псы сторожевые.
Торопясь, домой идет
Запоздалый пешеход.
И под звездным небосводом —
Кремль, построенный народом.
Словно сторож над страной,
Он стоит в тиши ночной.
Все ворота на засовах,
И стрельцы из войск царевых
Караулят пять ворот
Днем и ночью, круглый год.
Вот они — страны охрана,
Дети Грозного Ивана,
Наши русские стрельцы,
Удалые молодцы.
И у всех пяти ворот
Перекличка в свой черед.
У Фроловских начинают:
„Славен град Москва!“ кричат.
У Никольских отвечают:
„Славен Киев!“ говорят.
И у Троицких не спят:
„Славен Новгород!“ кричат.
„Славен Псков!“ — у Боровицких.
„Славен Суздаль!“ — у Тайницких.
И гремят в ночи слова:
„Славен! Славен град Москва!“

древний герб
города Москвы

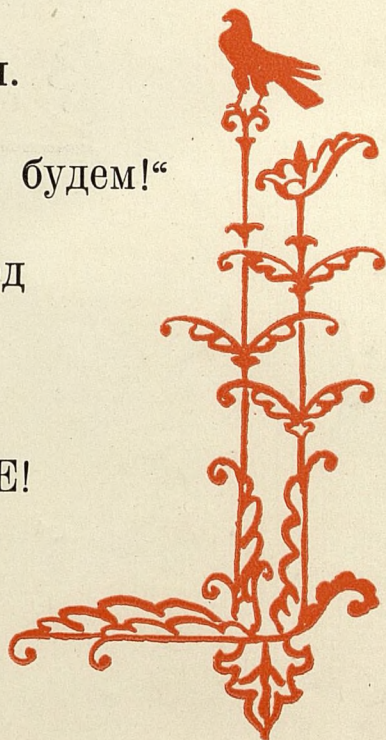

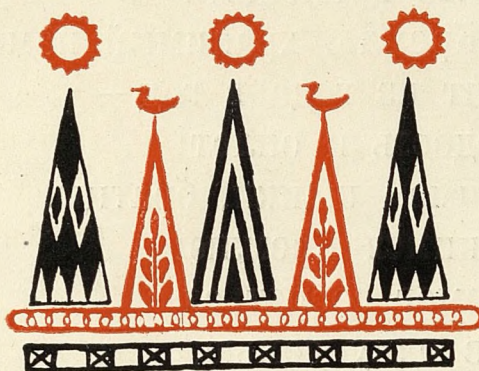
ДРЕВНИЙ ГЕРБ
ГОРОДА МОСКВЫ

Славен город наших дедов,
В жизни многое изведав,
Много войн и много бед,
Много радостных побед.
И над всеми временами
Древний Кремль, хранимый нами,
Нас хранит из года в год —
Наша гордость и оплот!
Ну-ка, снимем шапки, братцы,
Да поклонимся Кремлю:
Это он помог собраться
Городам в одну семью,
Это он нам всем на славу
Создал русскую державу,
И стоит она века,
Нерушима и крепка.
Времена теперь другие,
Как и мысли и дела —
Далеко ушла Россия
От страны, какой была.
В наше время, в наши годы
Против злобных вражьих сил
Все советские народы
Русский Кремль объединил.
Говорит он новым людям:
„Вечно в дружбе жить мы будем!“

Умный, сильный наш народ
Далеко глядит вперед,
А преданья старины
Забывать мы не должны.
СЛАВА РУССКОЙ СТАРИНЕ!
СЛАВА НАШЕЙ СТОРОНЕ!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит читателей отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

Для младшего и среднего возраста

Ответственный редактор Е. Костромина. Художественный редактор С. Садомская. Технический редактор Р. Кравцова. Корректоры Е. Балабан и А. Враныч. Подписано к печати 23/VII 1948 г. 10 п. л. (9,7 уч.-изд. л.). Тираж 20 000 экз. А07312. Заказ № 55. Цена 7 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.

